

Владимир МАЗАЕВ

ПОДАЛЬШЕ ОТ ЦАРЕЙ — ГОЛОВА ЦЕЛЕЙ?

В какие моменты общественной жизни мы начинаем беспокойно всматриваться в свое прошлое? В историю своей земли?

Да когда землю эту начинает что-нибудь сотрясать. Какое-нибудь очередное потрясение. И человек невольно оглядывается, ищет утешающего аналога. Или — хотя бы! — маломальского ответа на сакраментальный вопрос: «Сто чертей! Мы в этой яме уже бывали или это что-то новенькое?»

Откуда есть пошла наша Сибирь?

Осмелюсь ненаучно утверждать: Сибирь наша родимая пошла от Смуты. От той горестной страницы русской истории, которую народ окрестил Смутным временем. Это рубеж XVI—XVII веков.

Страшными были его плоды.

В начале 30-х годов Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом об этой «странице» позволил себе высочайше избежать слова «смута». Этого было достаточно, чтобы термин сей напроочь и надолго выпал из трудов советских историков.

Беглым пунктиром — события Смутных лет: смерть государя-тирана Грозного; «великая кровь невинная» мальчика Дмитрия; трагический Годунов; разгул доноительства.

«А доносчиков царь Борис жаловал много, поместьями и деньгами. И от таких доносов была в царстве большая Смута: доносили друг на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дети — на отцов, от такого ужаса мужья от жен таились, и в этих окаянных доносах много крови пролилось невинной, многие от пыток померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали и со всеми домами разорили — ни при одном государе таких бед никто не видал» (историк Соловьев).

Далее — интервенция. Явление Самозванца, оказавшееся, по замечанию Карамзина, «ужаснее Батыева нашествия». Годы жестоких неурожаев и вселенский голод, мертвых на улицах и дорогах «собаки не поедали»...

Близки параллели с деяниями сталинщины. Кое в чем — фатально близки.

Поистине в адский котел несчастий низверг-

лась Русь на переломе столетий. Мерещилось, грядет конец света, Армагеддон.

Куда замордованному люду податься? А — исходом на восток, за Камень. По свежему удачливому следу Ермака и рожденных им легенд.

Туда, где, по слухам, — ни межи, ни помещика!..

Придя в Сибирь, колонист-россиянин странств ее не завоевывал в прямом смысле слова. Сибирские коренные племена не были истреблены, как это случилось с американскими индейцами или тасманийцами. Они сохранили свой уклад, свой язык, свою численность. А многие за триста лет даже выросли. К примеру, якуты — в три раза.

Он шел и шел, балдея от простора, упиваясь им, страдая от него. Шел — на колесах и верхом, плыл на веслах и шестах, брел на лыжах, тянулся с берега лямкой, «бечевой», бежал парусом, ковылял на своих двоих.

Проклиная оставленную за плечами неласковую мать-Расею и тоскуя по ней.

Куда так настырно шел-то? А за туманом...

Его, вечного холопа и безземельца, пришедшего со своих монотонных равнин, манил горизонт, озера неоглядные, загадочные, реки великие, дебрь плодovitая, сказочное Беловодье с молочными реками в кисельных берегах, Восточный океан.

Манила сладко «воля».

Шел-шел и остановился — в глубокой озадаченности! — ажник на заокеанской Аляске, то бишь на краю света. И даже дальше! В Калифорнии до сих пор сохранился Форт-Росс. В каких-нибудь ста верстах от современного Сан-Франциско. Не слабо?..

Эта страсть — неутолимая, сродни наркотической — не столько всматриваться в землю, которая под ногами, сколько мечтать о той, что за горизонтом, в сладком мареве миражей и слухов, — становилась почти что чертой характера.

Трудно, согласимся, одолевая за далью даль, заниматься обустройством дома, земли, терпеливо и усидчиво овладевать культурой обработки. Еще ежели земля не твоя кровная, а государева (частной собственности на землю в Сибири как не было, так, по сути, и нет). Он и не овладевал шибко-то. Запахивал земли много, но небрежно. Душили сорняки, зерно вырождалось. Урожай в 7—8 центнеров с десятины (гектара) считался неплохим.

Истоцилось поле, задавили вконец сорняки — плюнул в досаде, вспахал новое, вон до того куста!

Удобрять? Еще чего! Всю долгую зиму угрюмо

вывозил навоз на речной лед. По весне все это добро запашисто и весело плыло в безбрежье Ледовитого моря.

Теплых дворов скотине не строил, бедная зябла, продуктивность ее была ниже некуда. В алтайских малоснежных предгорьях крупный скот вообще зимовал «в логах», добывая себе корм из-под копыта, на манер северных оленей.

Отсутствовало (как бы это потоньше сказать?) сопротивление материала, какое приходилось одолевать обиженному природой европейцу. Или еще более обиженному на голом камушке — посередине соленой воды! — японцу.

Своими «дарами», головокружительными просторами Сибирь-матушка развращала, давно известно. Одарила для начала госказну дешевой пушной. Дешевой — по затратам: обежал стойбища, собрал, выслал. Получил высочайший втык: мало! Побежал снова. Судя по годовым отчетам воевод по отсылке «мягкой рухляди», большие деньги складывались, прямо-таки разбойничьи. Вконец отощавшая за годы Смуты и позднее, московская казна стала раздуваться, как клоп.

Но пушнина незаметно как-то иссякла, счастья сибирякам не прибавила.

Унялась пушная лихорадка, вспыхнула золотая. Причем лет на полста раньше, чем на знаменитом канадском Клондайке (и была, кстати, не менее добычлива).

Первым серьезным золотом Российской империи стала наша сибирская Мартайга. И опять же золотом до смешного дешевым, так как изымался драгметалл лишь из верхнего слоя россыпей. А это, как ни крути, браконьерство, причем в особо крупных масштабах, ибо треть золота уходила в отвалы.

Районы золотых промыслов, как и пушных, всегда были отдаленными медвежьими углами, контролю поддавались дохло. Рядом же с великим богатством — завсегда тенью коршуна великий соблазн: украсть, обмануть, погреть руки, объехать на кривой, а то и просто — трахнуть по башке более старательного и фартового. Ген этот сатанинский, живучий, проклятый вращал в людскую кровь водичку мертво, как стронций.

Драма невозобновляемого ресурса в том, что он рано или поздно кончается. Кончилось и халявное золото.

И обратно Сибирь сидит в приздюме, а счастья нет, в натуре...

От чего еще можно дешево, но сердито заиметь навар? А поднять целинные земли, вздыбить миллионы гектаров — махом! Лет шесть или семь степь южносибирская безбрежная засыпала страну золотым зерном, а страна — энтузиастов-целинников — орденами и медалями, «за освоение».

Потом грянули черные бури...

И — новый допинг: нефть. Вернее — нефтедоллары. Под кавалерийский клич «даешь!» Быстрее и больше. Пока пласты держат давление, а жилые времянки добытчиков не завалились. Позже потребуются подкачка пластов «по науке», другая рутинная работа, затраты на социальную сферу, это не наш путь.

Оставив позади разливаемые лывы нефти, а в глубинах — невыкачанные пласты — верхний-то «золотой» слой снят! — вспадем поодаль новое нефтеполе, эвон до той Губы. Север сибирский — он бескрайний, я тебе его дарю...

Так вот, с Божьей помощью, а скорее всего, без оной, и выкатался характер, если хотите — стиль обустройства.

Времена сменялись безвременьем. Менялся уклад, идеологические приоритеты, менялись правительства, а стиль этот только креп и матерел. Вспомним — ну хотя бы БАМ, «покорение» могучего Енисея, дичайший проект поворота сибирских рек на юг, концентрацию в зауральских даях объектов тяжелой промышленности, вреднейших производств, прогрызающих смертельные дыры в озоновом куполе Сибири...

Конечно же, сегодня мы и мыслим иначе, и говорим иначе. И страну Лимонию ежли и высматриваем из-под ладони, то не на востоке, как некогда Беловодье, а совсем наоборот. И за туманом, увы, отъездили. Однако мы — те же, те же... Ну разве что до ветру не ходим за баню и деньги не прячем в рот...

Земля сибирская, к своему великому несчастью, фантастически богата, это тоже всем известно, до изжоги. Долго ли еще нам суждено жить с этим печальным парадоксом?

— Господи, — сказала в разговоре «за жизнь» одна глубоко верующая тихая женщина, — как мы трудно живем и как нам все еще не хватает страдания...

г. Кемерово

Александр ПА...

НО ВСЕ ЖЕ ЛЮДСКОЕ

ВЕСНА

В деревьях на
Пронзив их сл
Скворцы поют
Весна бурлит н

В такой бы час
К воде уйти, з
Но жизнь гнет
От нищеты, ша

В краю, где не
Работы нет, не
Бастуют шахты
Но все жирней

Паны пируют в
Под каждым «
А мы «на дачи
В автобусах, с

Ядрен первач,
Летит в обрыв
Чем больше д
И взгляды яр

Весна, весна,
Инфляция, ка
И я в окно св
— Я сам живу

Часу в че
Сумерки
Вернули
Чтоб пом
Так надо
Сипела о
И над го
Дождя и
Никли си
На тризн
С вечной
Вздыхая